

Проводив Чжоу Цзыфэя, Шэнь Цзя всё ещё заворожённо смотрел на оставленный на журнальном столике стакан.

Полуденный солнечный свет заливал комнату янтарём. На душе становилось светлее: жизнь действительно постепенно налаживалась.

Он не одинок. В этом мире непременно найдутся те, кому он небезразличен. Он вовсе не так уж отвратителен — есть люди, готовые сделать шаг навстречу, улыбнуться, разделить с ним простое человеческое тепло.

С лёгким сердцем Шэнь Цзя вернулся на кухню, разобрал продукты и взялся за обед. Вымыл томаты, нарезал их кубиками и уже достал яйца, чтобы взбить омлет, как вдруг зазвонил телефон. Нажав на кнопку приёма одной рукой, другой он привычным движением надколол скорлупу о край миски.

На экране высветился незнакомый городской номер. Нахмурившись, он всё же ответил:

— Алло?..

Из динамика раздался голос, вызвавший у него первобытный, сковывающий ужас:

— Ну что, Шэнь Цзя, давно я тебе не звонил, а?

Это был Шэнь Цяньлун.

Шэнь Цзя оцепенел.

Дыхание мгновенно стало тяжёлым, рваным. Опустив взгляд, он в ступоре уставился на надколотое яйцо в своей руке. Голос из трубки зазвучал будто сквозь толщу воды. На лбу выступил холодный пот, лицо моментально лишилось краски.

Он сжал кулак, инстинктивно пытаясь обрести хоть какую-то опору через это судорожное движение, но скорлупа с треском лопнула. Сырой белок и желток потекли сквозь пальцы, капая на край раковины. Острые обломки вонзились в ладонь, обжигая слабой, но резкой болью.

— Т-ты... — едва слышно выдохнул он.

На том конце провода Шэнь Цяньлун выплеснул накопившуюся злобу:

— Этот щегол Юй Сянхан сам велел мне тебе набрать! Заявил, будто вы развелись. Вы с какого

перепугу развелись?! Если вы развелись, кто мне деньги давать будет?!

Он не слышал этого голоса лет пять или шесть. Внезапное столкновение с призраком из прошлого заставило сердце забиться в паническом раже. Но постепенно само имя — Юй Сянхан — подействовало как анальгетик.

Сделав несколько судорожных глубоких вдохов, Шэнь Цзя после затянувшейся паузы сипло произнёс:

— Я сам буду переводить тебе деньги. Толку от того, что ты станешь донимать Сянхана, всё равно не будет. Не смей к нему ходить.

— Ты? Да откуда у тебя деньги! А если ты сбежишь? Сянхан мне твой адрес не дал! С кого мне тогда выбивать монету?!

Шэнь Цзя до тошноты не хотел раскрывать, где живёт. Но когда отец заорал, что если не получит адрес прямо сейчас, то отправится устраивать погром в компанию Сянхана, Шэнь Цзя, преодолевая дрожь, продиктовал улицу и номер дома.

— Ладно, жди! Я уже еду!

Короткие гудки отрезали связь.

Шэнь Цзя так и остался стоять у раковины подобно изваянию. В сжатой ладони хлюпал липкий желток, а острые края скорлупы въедались в кожу.

Шэнь Цзяньлун едет к нему. Этот монстр опять настиг его.

«Цзяцзя, теперь мы живём здесь. Чтобы ни звука из тебя не вылетело, и на улицу ни ногой, понял?!»

Спасаясь от кредиторов, отец затащил его в тесный, промозглый подвал. Объявил, что отныне это их дом. Шэнь Цзя запретили ходить в школу, запретили гулять, а если снаружи кто-то стучал — велели затаивать дыхание.

«Цзяцзя, давай папочка тебя умоет... Ну же, иди сюда, потрогай вот тут...»

Мужчина с налитыми кровью глазами и пьяной ухмылкой подбирался ближе, силой хватая маленькую ручонку Шэнь Цзя и притягивая её к себе...

Дикий, пронзительный крик вырвался из груди Шэнь Цзя.

Обхватив голову руками, он рухнул на колени. Сжался в плотный комок. Рукава домашней кофты задрались, обнажая предплечья — всюду, до самых локтей, ровными рядами тянулись старые, глубокие порезы и круглые шрамы от потушенных о кожу окурков.

Как страшно... Как мерзко.

Находясь в полубессознательном состоянии, он без конца шептал сухими губами:

— Не надо... Сянхан, спаси меня... спаси...

Но вокруг стояла глухая тишина. Никого не было — лишь ледяной кафель под коленями.

Дрожащими пальцами он попытался нащупать кольцо на безымянном пальце левой руки — и ощутил лишь пустую кожу. Разум обдало ледяной волной, точно от удара по голове.

Они же развелись.

Юй Сянхан больше не обнимет его, не закроет собой от всего мира.

Слёзы, которые он так долго сдерживал, хлынули неудержимым потоком.

— Не оставляй меня одного... Не надо... Помогите кто-нибудь...

— Кто-нибудь... спасите меня...

Он поднял лицо. Побелевшие губы судорожно дрожали, в расширенных от ужаса глазах плескалась паника. Слёзы покрывали щёки, стекали к подбородку и крупными каплями падали на воротник, тёмным пятном въедаясь в ткань.

Взгляд случайно зацепился за стеклянный стакан, из которого только что пил Чжоу Цзыфэй. Он помнил, как молодой красноволосый гонщик, сжимая этот самый стакан, осушил его в один приход, а потом, смущённо почесав затылок, слегка покраснел: «Учитель Шэнь, я что-то совсем пересох... Можно мне ещё немного?»

С трудом протянув руку, Шэнь Цзя дотянулся до стекла и прижал прозрачную стенку к щеке.

Согретый полуденным солнцем хрусталь отдавал оставшееся тепло. Ледяная кожа Шэнь Цзя мгновенно ощутила этот ласковый импульс, отозвавшийся воспоминанием о дне гонок: тогда Чжоу Цзыфэй точно так же сжимал его ладонь — крепко, уверенно, даря чувство защиты.

Чжоу Цзыфэй был его полной противоположностью. Бесстрашный гонщик, до упора

вдавливающий педаль газа в пол, мчащийся к финишу сквозь любые преграды. Всеми любимый, яркий, с дерзкой красной шевелюрой и гордым взглядом.

И этот сияющий человек искал его общества, искренне волновался о нём и называл своим другом.

Всхлипы Шэнь Цзя начали утихать. Держась за край раковины, он медленно поднялся.

Он не одинок. Точно не одинок!

Рядом с ним неунывающий Цзян Хэ, строгая, но заботливая Учитель Ли, Чжоу Цзыфэй, готовый прийти на выручку по первому зову, и маленький Чжоу Цзяи, доверчиво шептавший: «Когда учитель Шэнь рядом, мне совсем не страшно...»

В детском саду столько малышей, которые наперебой твердят: «Я больше всех люблю учителя Шэнь!», столько коллег, шаг за шагом открывающих ему свои сердца... Как он может считаться одиноким?

После развода он упивался тоской по Юй Сянхану, совсем не замечая, как вокруг него собираются люди, способные подарить тепло и заботу. Они буквально вытащили его со дна пропасти, где, казалось, рухнул весь его мир.

Перед ним лишь Шэнь Цяньлун. Всего лишь один жалкий насильник и тиран. Шэнь Цзя давно вырос, он больше не беспомощный ребёнок из подвала!

Это просто Шэнь Цяньлун. Страх больше не будет. Он запрещает себе бояться!

Зазвенел дверной звонок.

Шэнь Цзя тщательно вымыл руки, смыл слёзы с лица и пошёл к двери.

— Что так долго открываешь?! — с порога рявкнул Шэнь Цяньлун.

Шэнь Цзя ничего не ответил. Попытавшись скроить голос на манер Юй Сянхана, он максимально сухо спросил:

— Сколько тебе нужно денег? Забирай и проваливай.

— Эй, не торопись! Сын родной даже стакана воды отцу не подаст, сразу за дверь выставляет?

Шэнь Цзя сжал кулаки. Наливать воду он не стал и к дивану, где недавно сидел Чжоу Цзыфэй,

отца не подпустил — указывающим жестом велел сесть на жёсткий стул у обеденного стола.

— Вы с Юй Сянханом с какого перепугу разбежались? Он же по тебе сох, как сумасшедший! Сопли на кулак мотал, а в итоге — развод?

Видя, что сын молчит, Шэнь Цяньлун продолжал с упоением чесать языком. Окинув Шэнь Цзя быстрым взглядом, он заметил, что за эти годы тот стал ещё более испытанным, бледным, точь-в-точь привидение.

— Ты чего немой прикинулся?! Я с кем разговариваю! Не скажешь — пойду к Юй Сянхану, вышибу из него всю дурь, да выведаю правду!

Шэнь Цяньлун отличался бешеным нравом и, раздосадованный игнорированием, сознательно ударил по самому больному месту.

— Не смей! Ты не пойдёшь к Сянхану!

Шэнь Цзя рванулся вперёд и мёртвой хваткой вцепился в рукав отца. Его пальцы побелели от напряжения, он изо всех сил удерживал Шэнь Цяньлуна.

Тот с размаху влепил ему звонкую оплеуху. Голова Шэнь Цзя мотнулась в сторону.

— Нашлись тут два извращенца заднеприводных, ещё учить меня будут!

Оглушительные, до боли знакомые проклятия заставили Шэнь Цзя содрогнуться. А Шэнь Цяньлун всё распалялся, пока из его глотки не вырвалось:

— Всё из-за твоей паскуды-матери! Знать бы раньше, забил бы её тогда насмерть, да и тебя заодно!

Шэнь Цзя вскинул голову. Сдвинутые брови сжались в суровую линию, а обычно кроткие, влажные глаза потускнели, наполнившись ледяной яростью.

Он вперил тяжёлый, налитой взгляд прямо в лицо Шэнь Цяньлуна.

Тот даже поперхнулся от неожиданности, но тут же взвизгнул:

— Чё вылупился?! Да я тебя прямо сейчас—

Игнорируя горящую от удара щёку, Шэнь Цзя отчеканил:

— Назови цифру. Сколько тебе нужно? Я переведу прямо сейчас.

Увидев, что сын даже после побоев готов безропотно платить, Шэнь Цяньлун решил, что держит его в кулаке. Забегав пожелтевшими белками, он заявил:

— Сто пятьдесят тысяч. Хочу сто пятьдесят тысяч юаней!

Шэнь Цзя сжал челюсти так, что зубы скрипнули с противным треском.

Сто пятьдесят тысяч... Откуда у этого мерзавца такая наглость?!

Не дождавшись ответа, Шэнь Цяньлун с бранью торопливо направился к выходу, заявляя, что идёт к Юй Сянхану.

— Назад!

— Я дам... я дам тебе пятьдесят тысяч!

— Пятьдесят?! Ты за кого меня держишь, нищеврод! — взвыл отец.

Шэнь Цзя зажмурился и глубоко вдохнул, пытаясь подавить подступивший к горлу рвотный позыв. Открыв глаза, он отрезал:

— Пятьдесят тысяч. Или бери, или вали отсюда. Не захочешь — со следующего месяца не получишь ни копейки.

— Ты ещё угрожать мне вздумал?! Ах ты шкура! Не дашь денег — я пойду к твоему Сянхану, устрою цирк у него в офисе! А потом найду твою мамочку! Не поверю, что не смогу выследить, где дрянь Лу Хэ прячется!

Шэнь Цяньлун брызгал слюной, заходясь в крике. Шэнь Цзя колотило мелкой дрожью.

В памяти всплыли затёртые кадры:

«Цяньлун, Христа ради, хватит играть! Это же деньги на учёбу Цзяцзя!»

«Что ты делаешь?! Не трогай ребёнка!»

«Не надо, не бей меня! Я отдам деньги, сейчас же всё отдам!»

«Цзяцзя... маме пора уходить. Береги себя, сынок...»

Картины прошлого сменяли одна другую, зажигая в груди слепую ярость.

Раньше мать, Лу Хэ, всегда закрывала его своим телом. А маленький Шэнь Цзя ничем не мог помочь — лишь сгибался от рыданий, наблюдая, как её зверски избивают.

Потом появился Юй Сянхан. Он подставлял себя под летящие бутылки, утирал кровь со своего разбитого лба и шептал, что никогда не отдаст его в обиду.

А в последний раз... когда Шэнь Цяньлун пырнул его ножом, Юй Сянхан истекал кровью на руках у Шэнь Цзя, но всё равно пытался улыбнуться: «Не бойся... Всё хорошо... За это его упрячут за решётку. А мы... мы уедем в другой город... Он больше никогда не найдёт тебя...»

Шэнь Цзя ненавидел себя за вечную беспомощность! Годами детская травма и двухлетнее заточение в подвале заставляли его цепенеть от ужаса при одном виде отца.

Но сейчас, глядя на этот обрюзгший, пожелтевший лик, на гнилые, шатающиеся зубы, Шэнь Цзя вдруг понял: ненависть оказалась сильнее страха. Перед ним стоял вовсе не всемогущий дьявол, а жалкий, трусливый подлец, умеющий лишь визжать и размахивать руками.

Его мать уже пострадала от этого выродка. Сянхана он в беде не оставит!

В своей жизни он любил лишь двоих: мать и Юй Сянхана. И обоим этот изувер сломал жизнь.

Теперь настала его очередь защищать. Он убережёт человека, которого любит, чего бы это ни стоило!

Шэнь Цяньлун опешил, когда сын молча шагнул на кухню. А через мгновение вернулся с тяжёлым кухонным тесаком в руке.

— Ты... ты чё удумал?! Ты на кого нож поднял?!

Под его испуганный вскрик Шэнь Цзя сделал шаг вперёд, перекрывая выход.

— Больше денег не будет. Хочешь — забирай пятьдесят тысяч и проваливай. Не хочешь — мы оба костями ляжем прямо здесь!

Его кисть судорожно тряслась, но в голосе прорезалась стальная, безумная решимость.

Он впился взглядом в отца. Тёмные пряди занавесили измождённое лицо. Заплывшие

краснотой глаза были полны слёз, но ни одна капля не упала.

Шэнь Цзя медленно поднял тесак. Солнечный луч из окна мазнул по лезвию, вспыхнув ослепительным стальным бликом.

— Узнаю, что ты заявился к Юй Сянхану — из-под земли достану и изрублю на куски! Понял?! А потом сам сдадусь полиции. Ты сдохнешь как собака, и даже похоронить тебя будет некому!

Застывший во взгляде сына яд парализовал Шэнь Цяньлуна. Губы старика затряслись, он не мог вымолвить ни слова.

Тяжёло дыша, Шэнь Цзя сделал ещё шаг и прижал сталь прямо к кадыку отца.

— Не смей к нему лезть. Мы развелись! У него ты не получишь ни гроша! Дошло?!

Шэнь Цяньлун не мог понять, откуда в этом безответном тихоне взялась такая лютая дурь. Ощувив острую прохладу лезвия на коже, он судорожно закивал, едва не плача от страха.

Шэнь Цзя отвёл тесак и распахнул дверь.

— Пошёл вон. С этого дня буду переводить тебе по три тысячи в месяц. Не больше.

Боясь сказать слово против, Шэнь Цяньлун боком проскользнул мимо лезвия. Но выскочив на площадку, всё же огрызнулся:

— С-смотри у меня! Не переведёшь — я вернусь!

Шэнь Цзя молча смотрел на биологического отца. Пальцы до белизны сжали рукоять. Внутри всё вопило: «Всади сталь ему в горло!», но он лишь ровно ответил:

— Пошёл.

Сокрушительный хлопок двери отрезал коридор.

Шэнь Цзя обессиленно сполз по стене. Тесак с оглушительным звоном отскочил от кафеля.

Лицо его стало мертвенно-серым, а багровый отпечаток пятерни проступил ещё отчётливее. Серая кофта на спине насквозь промокла от пота, прядки волос прилипли к шее.

Внезапно зажав рот ладонью, он на коленях рванулся в ванную комнату, обхватил руками край

унитаза и зашёлся мучительной рвотой.

Когда желудок опустел, он всё равно продолжал пихать пальцы глубоко в глотку, раздирая зев, провоцируя новые спазмы. Горло судорожно сжималось, вырывая лишь сухие, болезненные позывы.

Шэнь Цзя хотел вывернуть себя наизнанку. Вытошнить всё: обед, внутренности, собственные лёгкие и сердце, осквернённую память и страх... Очиститься до капли.

Когда исторгать стало абсолютно нечего, а в пищеводе зажгло от желчи, он бессильно откинулся на кафельную стену. По белым щекам текли пот и слюни, спутанные волосы закрывали глаза, а искусанные, распухшие губы горели от грубых прикосновений.

Шэнь Цзя пусто уставился на белую плитку. И если бы не едва заметное движение грудной клетки, его можно было принять за мертвеца.

<http://bllate.org/book/19971/1985779>